

Интервью с Татьяной Суспицыной

Положение иностранных студентов в американском университете

Татьяна Суспицына — доцент Департамента образовательных исследований (Department of Educational Studies) Университета штата Огайо (Ohio State University)

Беседовала [Е.В. Горбунова](#), аналитик Центра внутреннего мониторинга НИУ ВШЭ

— Здравствуйте, Татьяна! Спасибо, что согласились побеседовать со мной. Мой первый вопрос... Насколько я знаю, Ваше первое образование лингвистическое. Расскажите, пожалуйста, как Вы пришли в сферу исследований высшего образования?

— Будучи еще студенткой старших курсов факультета иностранных языков в Барнауле, я первый раз поехала учиться в США по обмену. В то время Америка меня интересовала в первую очередь как страна изучаемого языка. Однако во время обучения я заметила, что способ усвоения знаний в американском университете очень отличается от российских вузов. В России ты учишь наизусть то, что тебе дают, или, по крайней мере, конспектируешь то, что ты слышишь на лекциях. Поэтому такое большое значение имеет профессор: именно он является источником знания, хотя сам перерабатывает чьи-то идеи. В американском университете процесс обучения устроен по-другому: ты сам находишь эти знания и сам их анализируешь, перевариваешь, производишь синтез. То есть как студенту мне нужно было делать ту работу, которую в России выполняет преподаватель — переработать чей-то материал.

По-настоящему я стала интересоваться образованием, когда поступила в магистратуру Университета Толедо (University of Toledo). Это программа была продолжительностью в один год, по ее завершении выдавался диплом магистра в области управления в образовании (Master of educational administration). Университет Толедо — это университет среднего уровня, он не исследовательский. И программы были достаточно невысокого уровня. Однако, когда я пришла в этот университет, меня в большей степени стало интересовать не управление, а деятельность студентов и преподавателей. Что мы делаем, когда становимся частью университета?

Хотя вторая магистерская программа, на которой я училась в Центральном европейском университете в Венгрии (программа гендерных и культурных исследований), не относилась к образованию, после ее окончания я стала искать программы, которые могли удовлетворить мой интерес по отношению к философским вопросам образования и социологии знания. Так я пришла в Мичиган, где в ходе обучения я больше узнала о других профессиональных сообществах в Европе и, в частности, в России и посвятила свою PhD-диссертацию изучению высшего образования.

В американском университете процесс обучения устроен по-другому: ты сам находишь эти знания и сам их анализируешь, перевариваешь, производишь синтез

— *Какие темы в области исследований высшего образования Вас интересуют?*

— Сейчас я занимаюсь исследованиями социализации иностранных студентов. Интерес к этой теме возник, с одной стороны, потому что я сама была такой студенткой (и это можно считать внутренним мотивом). С другой стороны, у меня была внешняя мотивация изучать данную тему, поскольку ко мне стало приходиться все больше иностранных студентов. Я видела, как они социализируются, как хотят изучать методологию науки, но им трудно интегрироваться в культуру кампуса. Они могут общаться с преподавателями, но со студентами делать это им гораздо труднее. Если такие студенты приезжают на долгий срок (четыре-пять лет), знакомство и усвоение ими академической культуры происходит параллельно с их существованием в студенческой среде. Однако они зачастую не становятся полноправными членами студенческого сообщества, замыкаясь в своих малых сообществах по национальному признаку и оставаясь на периферии университетской студенческой жизни. Меня интересовало, что происходит с ними.

— *Студентов какой национальности Вы исследовали?*

— В моем проекте приняли участие 36 студентов. Большинство учащихся (60%) приехали из Азии, из таких стран, как Индия, Китай и Корея. Сейчас в Университете штата Огайо учатся около 6000–7000 международных студентов. Из них 70% из Китая.

— *Обнаружили ли Вы какие-то различия между студентами из Азии и учащимися из Европы или стран Африки?*

— Различия есть. Как с академической, так и с социальной точек зрения. Например, академические различия зависят от уровня подготовки студентов в университетах их страны. Мы знаем, что такие страны, как Россия, Китай или Индия стремятся стать научными центрами, поэтому студенты, когда приезжают к нам, пытаются научиться быть американскими профессорами, т.е. научиться быть исследователями, учеными. И если у них методологическая подготовка изначально плохая, им трудно достичь этой цели. Однако они очень быстро наверстывают и догоняют своих коллег.

Социальные различия связаны с расой иностранного студента. Учащемуся с европейской внешностью гораздо легче быть принятым в американское сообщество. Все количественные исследования подтверждают, что студентам из Африки, например, приходится гораздо труднее, чем приехавшим из Европы. Это объясняется, во-первых, существованием местного расизма, во-вторых, наличием так называемого неорасизма, или культурного расизма, когда сами иностранные студенты выстраивают иерархию стран по их развитости.

Часто учащиеся, приехавшие из Африки, жалуются, что сами иностранные студенты, которые должны знать, что происходит в мире, задают им вопросы вроде таких: «У вас действительно там львы ходят по улицам? Есть ли у вас автомобили или нет?». Это вопросы, которые в принципе унижают национальное достоинство.

Иностранные студенты зачастую не становятся полноправными членами студенческого сообщества, замыкаясь в своих малых сообществах по национальному признаку и оставаясь на периферии университетской студенческой жизни

Все количественные исследования подтверждают, что студентам из Африки, например, приходится гораздо труднее, чем приехавшим из Европы

— *Как Вы считаете, с чем все-таки связано такое отношение к студентам из Африки и Азии?*

— Дело в том, что глядя на человека, как правило, нельзя сказать, из какой он страны. Часто такое отношение направлено, например, против людей азиатской внешности, которые являются коренными американцами. Это общекультурная политическая проблема американского общества. У нас есть офис, занимающийся оценкой студенческой жизни (Office for Student Life Assessment), который организует ежегодные опросы разных слоев населения в кампусе. И каждый год студенты афроамериканской и азиатской внешности, а также испаноязычные учащиеся, являющиеся местным населением, говорят, что их дискриминируют. Речь и о словах: «Выйди отсюда, ты чернокожий», и об усмешках со стороны студентов и преподавателей. Иностранцы также жалуются на дискриминацию. Плюс ко всему этому, у местных студентов есть чувство, которое, вероятно, можно было бы выразить следующими словами: «Что эти пришельцы здесь делают вообще? Это не их место, не их страна». Это чувство проявляется в том, что на этажах, где живут иностранные студенты, время от времени появляются расистские надписи, а за ними кроется враждебное отношение.

— *Как относятся в Америке к русским студентам?*

— Хорошо. Человек из Европы символически представляет какое-то пространство, которое имеет научную традицию, развитую цивилизацию, т.е. коннотация «европеец», «европейство» для американца в основном позитивная. Есть, конечно, села и города с социально-консервативными слоями населения. Для них «Европа» — плохое слово. Обама, например, обвиняют в том, что он ориентируется на Европу, и считается, что это плохо. Но это скорее местническое мышление, оно не так сильно представлено в кампусе большого университета. В основном для образованных людей Европа имеет позитивные ассоциации. Я, например, родом из Сибири, у меня идентичность сибирячки. Но мало кто знает, какое культурное различие между Сибирью, являющейся периферией, и столицей. Тот факт, что я являюсь представительницей белой расы и имею европейскую внешность, заставляет американцев наделять меня теми качествами, которыми я могу не обладать. Все будут предполагать, что я могу говорить о высоком искусстве и хорошо знакома с оперой и балетом. Хотя, как у уроженки Сибири, у меня не должно бы быть того культурного капитала, который мне приписывают. Однако тот факт, что мне приписывают культурный капитал, помогает мне комфортно чувствовать себя в этом обществе. Моим коллегам, которые тоже родом из Сибири, но с азиатской внешностью, такой привилегии не давали. То есть раса действительно имеет значение.

— *Что университет может предпринять для того, чтобы избавиться от проблемы дискриминации студентов?*

— Наш университет выделяет большой объем бюджетных средств на программы по работе со студентами в этом направлении. Открываются новые службы. Например, у нас есть BART (Bias Assessment and Response Team),

Каждый год студенты афроамериканской и азиатской внешности, а также испаноязычные учащиеся, говорят, что их дискриминируют

Человек из Европы символически представляет какое-то пространство, которое имеет научную традицию, развитую цивилизацию, т.е. коннотация «европеец», «европейство» для американца в основном позитивная

т.е. служба быстрого реагирования, которая состоит из преподавателей различных дисциплин, экспертов в области дискриминации и кризисных ситуаций, администраторов и студентов. В ее обязанности входит реагирование на то, что происходит в кампусе. Где-то появились граффити — на центре для афроамериканских студентов, например. Приехала съемочная группа, сняла это, или даже студент снял на телефон и опубликовал на Фейсбуке. Уже через минуту об этом знают тысячи людей. Начинается дискуссия по всей стране.

Что нужно делать в таких ситуациях? Во-первых, нужно убрать надпись. Во-вторых, нужно работать со всеми людьми, которые находятся в этом центре, нужно задействовать студентов, вызвать полицию, опросить людей, узнать, кто мог что-то видеть. Если найдем того, кто это сделал, нужно работать с этим человеком. Также нужно работать с главными администраторами, обращаться к вице-президенту по делам студентов, чтобы получить от него совет по дальнейшим действиям. Всем этим и занимается BART. Кроме того, они пытаются разрабатывать меры для предотвращения подобных ситуаций в будущем.

— *Это неформальная организация?*

— Это формальная организация, но она имеет гибкую структуру и очень хорошую поддержку администрации и моментальную связь с ней. В Университете штата Огайо большой кампус, где живут много разных людей, поэтому такие инциденты, связанные с дискриминацией, случаются часто. Однако упомянутая служба так слаженно работает благодаря тому, что администрация уделяет ей большое внимание и дает много полномочий.

— *А знаете ли Вы о каких-то инициативах, которые направлены на уменьшение дискриминации в стране в целом?*

— Нет, поскольку дискриминация иностранных студентов — это прежде всего университетское дело. В США, в отличие от европейских государств, система образования не национализирована. Федеральное правительство имеет весьма ограниченное влияние на университеты. Правительства штатов влияют на разные типы высших учебных заведений по-разному. Такой большой университет, как Университет штата Огайо, получает всего около 12% своего бюджета от правительства штата. За 12% не слишком будешь прогибаться. А вот, например, общественные колледжи (community colleges) более зависимы, так как они получают от штатов до 60% своего бюджета. Иначе говоря, в основном все программы по борьбе с дискриминацией иностранных студентов являются прерогативой самого вуза.

— *Татьяна, спасибо за интересное интервью и время, которое Вы мне уделили!*

Дискриминация
иностраннх студен-
тов — это прежде
всего университет-
ское дело

Колумбус (США), Университет штата Огайо,
11 апреля 2013 г.